

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРАКТИКА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ИЮЛЬ–ДЕКАБРЬ 2018 ГОДА

Во втором полугодии 2018 года Советом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее – Совет) рассмотрено 57 дисциплинарных производств (всего в 2018 году рассмотрено 127 дел, в 2017 – 98).

В результате было вынесено 11 замечаний и объявлено 10 предупреждений, статус 10 адвокатов прекращен, остальные дисциплинарные производства прекращены по разным основаниям:

- 17 – ввиду отсутствия нарушений в действиях (бездействии) адвоката;
- 3 – вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности;
- 4 – в силу малозначительности совершенного адвокатом проступка;
- 1 – вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;
- 1 – по причине отзыва жалобы.

Во втором полугодии 2018 года за недобросовестное осуществление своих обязательств перед доверителями лишились статуса три адвоката.

СТАТУС ДЛЯ УГОЛОВНОЙ ЗАЩИТЫ

Адвокат Ж. получила статус в сентябре 2017 года, но уже в августе 2018 она была его лишена на 5 лет.

С жалобой на действия адвоката Ж. обратились ее бывший доверитель Д. и его представитель.

Д. и адвокат Ж. в январе 2018 года заключили договор поручения на оказание юридической помощи по защите доверителя в уголовном деле, рассматриваемом районным судом. Размер вознаграждения адвоката составил 15000 рублей, внесенных в кассу адвокатского образования.

В тот же день Д. заключил с Ж., но уже как с генеральным директором ООО, договоры на оказание юридических услуг:

- консультирование Заказчика по всем вопросам, возникающим в рамках уголовного дела (стоимость 65000 рублей);
- ознакомление с материалами уголовного дела путем фотофиксации (стоимость 250000 рублей);
- произвести оценку доказательств по уголовному делу и осуществить подготовку к судебным прениям (стоимость 300000 рублей);
- получить приговор суда (стоимость 50000 рублей);
- изучить законодательство и судебную практику районного суда, в котором будет рассматриваться

и

– в течение 5 рабочих дней подать ходатайство об ознакомлении с протоколами судебных заседаний и представить замечания на протоколы судебных заседаний в случае необходимости (стоимость 250000 рублей);

– осуществлять защиту интересов Заказчика, в том числе, заявлять отводы действиям судьи и иных участников процесса, в случае необходимости (стоимость 250000 рублей).

Общая стоимость услуг по этим договорам составляла 1885000 рублей, внесенных в кассу ООО.

Комиссия пришла к выводу, что адвокат Ж. грубо нарушила требования п.3 ст.9 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА), в соответствии с которыми адвокат не вправе вне рамок адвокатской деятельности оказывать юридические услуги (правовую помощь).

Кроме того, являясь адвокатом с сентября 2017 года, Ж. не могла не понимать, что весь объем услуг, предусмотренных в договорах, заключенных с Д. от имени ООО, охватывается понятием защиты в уголовном процессе. И все оказанные ею услуги входят в обязанности адвоката, предусмотренные Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятым VIII Всероссийским съездом адвокатов.

Однако, вводя доверителя в заблуждение, комплекс обязанностей при работе по уголовному делу адвокатом был искусственно разделен на отдельные составляющие, каждой из которых придан вид самостоятельного этапа работы, оплата которого якобы должна производиться отдельно.

Наряду с этим, заключая договоры на защиту в уголовном деле от имени ООО, адвокат Ж. понимала, что к участию в уголовном деле в качестве защитника может быть допущен только адвокат, который должен представить выданный адвокатским образованием ордер, а сотрудникам ООО, которое не является адвокатским образованием, не будет предоставлен допуск ни к участию в уголовном деле в качестве защитника, ни к самим материалам дела.

Понимание адвокатом Ж. правовой природы своих действий от имени ООО следовало и из договора поручения на оказание юридической помощи по защите в уголовном деле, заключенного Ж. в качестве адвоката.

Комиссия посчитала, что действия Ж. при заключении договоров с Д. от имени ООО были направлены на введение доверителя в заблуждение с целью получения необоснованного обогащения, и в соответствии с п.2 ст.5 КПЭА являются действиями адвоката, направленными к подрыву доверия.

Адвокат Ж. также планировала скрыть от АП СПб фактический размер полученного вознаграждения, не внося его в кассу адвокатского образования, то есть нарушила п.6 ст.25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон).

Совет согласился с выводами Комиссии, усмотрев в действиях адвоката Ж. нарушения п.3 ст.9, п.2 ст.5 КПЭА, п.6 ст.25 Закона, и прекратил ее статус, установив пятилетний срок, по истечении которого Ж. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката.

**«Стало очень интересно, когда же вспомнит
и позвонит адвокат, взявший с нас 30000 рублей?!..».**

На адвоката П. пожаловались трое его доверителей, один из которых впоследствии жалобу отозвал, а две оставшихся жалобы были соединены в одно дисциплинарное производство закончившееся

документы, в том числе материалы судебного дела 2013 года, доверенность и внесен гонорар. Встречи с адвокатом происходили раз в 2-3 месяца и сводились к рассказам адвоката об успешно проводимых им делах, никакого движения по делу заявителей не происходило.

Адвокат П. представил Комиссии копии материалов указанного гражданского дела, полученные им для ознакомления от доверителя. Иных «следов» работы адвоката по выполнению поручения не имелось.

Из объяснений участников дисциплинарного производства Комиссия установила, что фактически предметом соглашения об оказании юридической помощи была дача адвокатом заключения о возможности пересмотра по новым и/или вновь открывшимся обстоятельствам решения районного суда, вынесенного в 2013 году о признании утратившей право пользования квартирой и по встречному иску о нечинении препятствий к пользованию жилым помещением. Ознакомление адвоката с архивными материалами являлось лишь первым этапом подготовки такого заключения.

Спустя больше двух лет, в конце 2017 года, не дождавшись профессионального заключения по итогам работы адвоката или вообще какого-либо результата, С. вручила адвокату П. заявление о прекращении действия соглашения и просила вернуть ей доверенность на ведение гражданского дела и часть гонорара – 24000 рублей.

Комиссия установила, что вопреки требованиям п.4 ст.25 Закона соглашение, заключенное с С., носит не конкретный характер, а лишь обозначает юридический интерес доверителя, не содержит четко сформулированного предмета соглашения, то есть, указания на обязанность адвоката совершить определенные юридические действия, как это предусмотрено и ст.971 ГК РФ. В данном случае это составление профессионального заключения по изучаемому адвокатом делу либо составление нового искового заявления по вновь открывшимся обстоятельствам.

Оценивая объем и качество фактически проделанной адвокатом П. работы, Комиссия исходила из того, что не располагает какими-либо сведениями о конкретных действиях адвоката по исполнению поручения доверителя в течение двух с половиной лет. Ссылки адвоката на многочисленные консультации, дачу доверителю устного заключения об отсутствии судебной перспективы пересмотра решения суда, отказ доверителя от письменного заключения по итогам работы – ничем объективно не подтверждены.

Явная, без уважительных причин, затяжка времени выполнения поручения (более двух с половиной лет), отсутствие сведений о согласовании адвокатом своей деятельности с доверителем и предоставлении ему отчета о проделанной работе либо заключения по итогам работы, свидетельствовали о нарушении адвокатом требования п.1 ст.8 Кодекса.

Адвокат П. полагал, что сроки привлечения его к дисциплинарной ответственности истекли, поскольку на встрече с доверителем в марте 2016 он проинформировал С., что выполнил все поручения по соглашению и прекратил дальнейшую работу. Но доказательств получения доверителем отчетов адвоката о проделанной работе и уведомлений о его отказе продолжать работу по соглашению Комиссии не было представлено, а С. получение указанных документов отрицала.

Между тем, в соответствии с п.9 ст.10 КПЭА адвокат должен заблаговременно уведомить об этом доверителя путем направления ему соответствующего уведомления (ч.1 ст.450-1 ГК РФ). Договор прекращается с момента получения уведомления. Кроме того, расторжение соглашения производится в той же форме, в какой заключено основное соглашение (в данном случае – в письменной). Адвокат П. письменного уведомления о расторжении соглашения доверителю не направил, нарушив ч.1 ст.452 ГК РФ. Таким образом, соглашение продолжало действовать до конца 2017 года, то есть, до момента отказа от него С., следовательно, и сроки привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности не истекли.

В жалобе на адвоката Ц. доверители указывали, что адвокат не выполнил принятые на себя обязанности по договору: получив оплату за свою работу, адвокат не явился на предварительное судебное заседание, а также в последующие заседания, перестал отвечать на телефонные звонки, отказался предоставить электронный адрес, уклонялся от переговоров, не сообщил доверителям адрес своего места работы или жительства, не указав их и в договоре. Также доверители ссылались на то, что фактически адвокату была выплачена назначенная им сумма вознаграждения в 20000 рублей, однако в квитанции адвокат Ц. указал сумму в 100000 рублей, объяснив, что суд может присудить лишь часть денежной суммы, и что, выдав квитанцию на такую сумму, он поступает в интересах клиентов.

Впоследствии от адвоката Ц. поступила претензия с требованием выплатить ему оставшиеся 80000 рублей.

Об обязанности предупреждать адвоката о датах судебных заседаний Ц. доверителей не предупредил, иначе они настояли бы на получении адреса адвоката.

Адвокат сообщил, что и в искомом заявлении в суд указал требование возместить расходы на оплату услуг представителя в размере 100000 рублей. Также пояснил, что доверители не извещали его о времени и месте судебных заседаний, что намерен требовать от доверителей оплаты всей суммы в 100000 рублей, а также что не отказывается от исполнения принятых им по договору обязанности.

При рассмотрении дела было установлено, что договор на оказание юридической помощи с И.О. и И.С. был заключен адвокатом Ц. в конце 2017 года. Ц. должен был представлять интересы доверителей при рассмотрении гражданского дела в суде.

Уже сам текст договора был составлен с нарушениями п.4 ст.25 Закона, поскольку в нем отсутствовали сведения о принадлежности адвоката Ц. к какому-либо адвокатскому образованию и, соответственно, о месте (адресе) его нахождения, отсутствовали телефон, почтовый или электронный адрес адвоката. В телефонном справочнике адвокатов также отсутствовал его телефон.

Это подтверждало позицию доверителей относительно того, что адвокат Ц. не сообщил им свои контакты, а также и то, что доверители не были обременены обязанностью по договору на оказание юридической помощи предупреждать адвоката о датах судебных заседаний. Такая обязанность доверителей должна быть недвусмысленно сформулирована адвокатом при заключении договора.

Комиссия заметила, что надлежащее выполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание ему квалифицированной юридической помощи, но и квалифицированное оформление договорных отношений с доверителем в соответствии с Законом. Поскольку адвокат Ц. недобросовестно отнесся к этим своим обязанностям, Комиссия квалифицировала его действия как нарушение требований п.1 ст.8 КПЭА.

Адвокат Ц., нарушая п.5 ст.8 КПЭА, также не обеспечил Адвокатскую палату Санкт-Петербурга актуальной информацией о своем адресе, в том числе – электронном, для уведомлений и извещений.

Адвокат не явился на два судебных заседания, не уведомив доверителей о причинах неявки и об уважительности этих причин, нарушив п.1 ст.8 КПЭА. Ссылка адвоката на то, что в один из дней он был занят в других судебных процессах не была принята во внимание, поскольку он был обязан заблаговременно уведомить о своей занятости как суд, так и доверителей.

Следствием недобросовестности адвоката Ц. явилось «уведомление» от доверителей о расторжении договора на оказание юридической помощи с требованием возврата уплаченных адвокату 20000 рублей.

При заключении договора доверители фактически выплатили адвокату Ц. 20000 рублей, получив от него квитанцию к приходному кассовому ордеру на сумму 100000 рублей. Это подтверждалось и самим

Совет пришел к тем же выводам и принял решение о прекращении статуса адвоката Ч.

ЛИШИЛСЯ СТАТУСА ЗА «БЕЛЫЙ ОРДЕР»

Нарушение порядка работы по назначению стоило адвокату Ч. статуса.

Он был включен в базовый список адвокатов по назначению по его личному заявлению, поданному в июне 2016 года. В августе 2016 он получил учетную запись для доступа к личному кабинету в АИС «Адвокатура» и 2 ордерные книжки с 50 бланками отдельных ордеров для работы по назначению, но из 50 бланков отразил в АИС «Адвокатура» использование 22 ордеров, а после июня 2017 перестал отвечать на обращения Центра по назначению АП СПб.

В связи с нарушениями порядка работы по назначению Ч. неоднократно отстранялся от дежурства в 2017 году, а в марте 2018 адвокату было объявлено предупреждение с исключением его из базового списка.

Несмотря на неоднократное отстранение Ч. от работы по назначению, он продолжал участвовать в качестве защитника в уголовном судопроизводстве в отделе судебных приставов УФССП России по назначению дознавателей вне графиков дежурства на основании самостоятельно изготовленных ордеров с проставлением штампа «НАЗНАЧЕНИЕ по ст.51 УПК РФ» и предъявил к оплате 23 постановления в финансовый орган УФССП России, а также продолжал участвовать в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателей вне графиков дежурства на основании самостоятельно изготовленных ордеров с проставлением штампа «НАЗНАЧЕНИЕ по ст.51 УПК РФ».

Более того, при оказании юридической помощи одному из доверителей «назначенный дознавателем» адвокат Ч. при допросе подзащитного в качестве подозреваемого понуждал последнего к признанию вины, в связи с чем тот заявил дознавателю отказ от адвоката, однако последний продолжил работу по делу, чем нарушил требования подп.1 п.1 ст.7 Закона и п.1 ст.8 Кодекса.

По ряду случаев срок привлечения Ч. к дисциплинарной ответственности истек. В результате Комиссия и Совет пришли к заключению, что используя в 20 уголовных делах бланки ордеров белого цвета (для работы по соглашению) и представляя их в судебные заседания при ведении дел по назначению с синим оттиском печати «НАЗНАЧЕНИЕ по ст.51 УПК РФ», систематически нарушая правила, установленные решениями Совета АП СПб от 14.06.2016 (протокол № 6.1) и 24.01.2017 (протокол № 1) «О порядке оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в судопроизводстве в качестве защитников и представителей по назначению органов дознания, органов предварительного следствия и суда», а также, будучи исключенным из графика дежурства по назначению в отдельные периоды в 2017 году и исключенным из базового списка адвокатов, работающих по назначению в 2018 году, но продолжая участвовать в уголовных делах по назначению, адвокат Ч. нарушил требования подп.4 п.1 ст.7 Закона и п.6 ст.15 Кодекса.

Статус адвоката Ч. прекращен, повторно сдать экзамен на приобретение статуса адвоката Ч. сможет только спустя 3 года.

ДОЛГ И ПРИГОВОР

ЖАЛОБЫ ОТ СУДЕЙ

Поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. стало письмо судьи Московского районного суда СПб, из которого следовало, что в судебном заседании сотрудниками конвоя была пресечена попытка адвоката Г. передать подзащитному Т. под видом копии обвинительного заключения мобильного телефона и зарядного устройства. О случившемся был составлен акт, мобильный телефон и зарядное устройство под расписку были возвращены Г.

Адвокат Г. не отрицала своей вины в нарушениях, указанных в письме судьи, но категорически не соглашалась с преднамеренностью своих действий, осведомлённостью о том, что в обвинительном заключении находился мобильный телефон с зарядным устройством.

Адвокат пояснила, что перед началом судебного заседания к ней подошла мать подзащитного и попросила передать сыну обвинительное заключение, указав, что оно было передано ей для копирования и его необходимо возвратить в СИЗО.

Обвинительное заключение было должного объема, прошито, титульный лист был оформлен обычно.

Прибыв в зал, доверитель подозревал адвоката для беседы, во время которой заметно нервничал, что адвокат списала на волнение перед допросом. Т. стал обвинять адвоката в профессиональной некомпетентности, как потом поняла Г., с целью создания конфликтной ситуации. В тот момент, когда конфликт начал переходить на личные оскорблении, Т. потребовал передать ему обвинительное заключение. Адвокат сделала это, находясь под воздействием эмоций, не проверив его. После передачи обвинительного заключения сотруднику конвоя в нем был обнаружен мобильный телефон с зарядным устройством.

Адвокат указывала также, что за 42 года работы в коллегии адвокатов никогда не передавала запрещённые предметы в следственных изоляторах и судах. Соглашалась, что не имела права выполнять просьбы матери подзащитного, не относящиеся к делу, за что готова нести ответственность.

Комиссия и Совет пришли к выводу, что, передавая доверителю обвинительное заключение, адвокат Г. не проявила необходимой осмотрительности и допустила грубую неосторожность, что привело к нарушению требований ч.1 ст.8 и ч.1 ст.10 КПЭА: адвокат обязан честно, разумно, добросовестно исполнять свои обязанности. При этом, никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом.

Адвокату объявлено замечание.

Судья Куйбышевского районного суда СПб направила в палату обращение в отношении адвоката К. Судья указывал на неявку адвоката в судебное заседание по уголовному делу. Адвокат направила ходатайство об отложении слушания дела в связи с нахождением в очередном отпуске. При этом, по мнению судьи, адвокатом не были приняты меры к обеспечению законных прав и интересов доверителя, чем нарушены его права, при этом какие именно права подзащитного и в чем были нарушены действиями адвоката К., не сообщалось.

Из пояснения адвоката К. следовало, что в судебном заседании 25 июня судья согласовал со всеми участниками процесса даты следующих заседаний по делу, назначив их на 2 и 20 июля. Адвокат воспользовалась перерывом между заседаниями, который образовался при непосредственном участии судьи, и с 3 по 20 июля убыла в отпуск.

Таким образом, Комиссия не установила доказательств того, что действиями (бездействием) адвоката К. были нарушены права ее подзащитного.

Поскольку последовательность событий была предопределена неожиданным для участников процесса решением суда о переносе даты рассмотрения дела на более ранний срок, в действиях адвоката отсутствовали и нарушения требований п.3 ст.14 КПЭА.

Дисциплинарное производство в отношении К. было прекращено.

С отпуском было связано и другое дело – в отношении адвоката Л.

Судья посчитал, что адвокат слишком долго болел и отдыхал, что повлекло затяжное отложение судебного разбирательства, нарушение прав подсудимого и было расценено как проявление неуважения к подсудимому, суду и другим участникам процесса, нарушение права обвиняемого на защиту и адвокатской этики.

Дисциплинарное производство было возбуждено на основании представления ГУ Министерства юстиции РФ по Санкт-Петербургу, в связи с поступившим письмом судьи Куйбышевского районного суда СПб.

Судья сообщал, что соглашение о защите А. было заключено адвокатом Л. 7 июня. В судебном заседании 13 июня А. было заявлено ходатайство об отложении рассмотрения дела в связи с болезнью его адвоката – Л. Одновременно суду было подано ходатайство самого адвоката о невозможности участия в слушании дела 18 и 21 июня из-за его участия в рассмотрении дел в других судах, а в период с 28 июня по 31 июля – из-за нахождения адвоката в отпуске.

Судья так же ушел в отпуск, поэтому заседание было отложено на 18 июля. При этом подсудимому было указано на невозможность столь длительного отложения рассмотрения дела, были разъяснены положения ст.50 ч.3 УПК РФ, предложено адвокату направить замену или сообщить в суд о необходимости вызова нового защитника.

18 июля рассмотрение дела было отложено на стадии ходатайств в связи с сообщением адвоката Л. о нахождении в отпуске.

Судья полагал, что адвокат Л., игнорируя мнение суда, мер к обеспечению законных прав и интересов доверителя не принял, судебное следствие открыто не было, что свидетельствует о нарушении права подсудимого на разумный срок рассмотрения дела в суде. Судья также посчитал, что со стороны адвоката недопустимо принятие на себя обязанности по осуществлению защиты подсудимого в суде, имея намерение в ближайшее время уйти в ежегодный отпуск на срок более одного месяца при отсутствии какой-либо замены себя в процессе. По мнению судьи этими действиями – невозможностью участия в слушании дела из-за нахождения в адвокат Л., не согласившись с мнением судьи, проявил неуважение к подсудимому А., суду и другим участникам процесса, нарушил права обвиняемого на защиту, нарушил адвокатскую этику, ненадлежащим образом исполнял свои обязанности.

Адвокат Л. в объяснении указал, что на самом деле соглашение было заключено в мае. Явиться в суд 13 июня адвокат не мог из-за болезни, о чем заранее известил суд, указав и даты участия в рассмотрении других дел.

Аналогичное ходатайство об отложении судебного заседания было подано и самим подзащитным А. от своего имени. Предвидеть возможность своего заболевания при заключении соглашения адвокат возможности не имел.

С 16 июня по 18 июля в отпуске находился судья поэтому дело к слушанию не назначалось А 26

Судья Приморского районного суда СПб написала в АП СПб обращение в отношении адвоката Н., указав, что адвокат позволял себе в адрес председательствующего высказывания, не соответствующие статусу адвоката: «*Дослушайте меня, не перебивайте*», «*В отличие от суда я исследование доказательств не закончил*», «*Я напишу жалобу в Квалификационную коллегию судей и будет понижена Ваш квалификационный класс, потому что Вы незаконно чините препятствия. У Вас ничего не получится*», «*На диктофонную запись санкционирования не требуется. С чем я Вас и поздравляю*» (эти слова адресованы доверителю адвоката), «*Когда не выгодно...*». На предложение судьи оставить свои комментарии при себе ответил, что свои комментарии он уже не оставит при себе, был удален из судебного заседания.

Судья также указывала, что адвокатом при выражении своей позиции в адрес председательствующего были допущены высказывания, не соответствующие статусу адвоката: «*Завершить сегодня заседание не представляется возможным. Только если личная и прямая заинтересованность судьи и секретаря судебного заседания присутствуют в исходе судебного разбирательства*». После удаления адвоката Н. из зала судебного заседания он высказал: «*Честь и хвала Вам за подобного рода ведение судебного процесса*», оказал воздействие на своего доверителя.

Судья обращала внимание на то, что после ознакомления адвоката и его доверителя с материалами дела в тексте «Подписки об ознакомлении с правами лица, привлекаемого к адм. ответственности» и «Подписки о разъяснении прав защитника» появилась дописка о том, что с правами лицо не было ознакомлено. В обращении высказано предположение о причастности к этому адвоката либо представляемого им лица.

Адвокат представил письменное объяснение, в котором указывал, что письмо судьи не соответствует фактическим обстоятельствам того, что было в судебных заседаниях, и опровергается материалами, приложенными к объяснению. Между сторонами процесса имелись давно возникшие противоречия и обстоятельства, которые требовалось исследовать всесторонне и тщательно, не полагаясь лишь на документы, представленные обвиняющей стороной. Его слова, приведенные судьей, вырваны из контекста и не соответствуют фактическому смыслу высказываний. Аудиозапись частично вел на свой смартфон доверитель, и как она попала к судье, и та ли это запись – адвокат не знает.

Комиссия пришла к следующему: в приведенных в обращениях судьи цитатах содержатся слова адвоката, которые могли быть предметом обсуждения для выяснения их допустимости в судебном процессе с точки зрения этических норм, если бы в каждом случае были сформулированы сами этические нормы, нарушенные при этом адвокатом (неделовая лексика, неуважение к суду или оскорбительность и унижение достоинства и т.п.). Однако в обращениях указано лишь то, что высказывания не соответствуют статусу адвоката.

Между тем, обобщение специалистами практики работы Европейского суда по правам человека позволяет сделать вывод о том, что «... Ограничевая свободу слова адвоката в суде, можно нарушить принцип процессуального равенства сторон, который является одной из составляющих справедливого процесса. Хотя свобода слова адвоката в судебном заседании не абсолютна, требования справедливого процесса предполагает не только свободный, но даже и весьма агрессивный обмен мнениями между сторонами» (Диков Г.В. Участие адвоката в судебном процессе: подходы Европейского Суда. М., 2014. С.216).

Судья ссылалась на аудиозапись судебного заседания на USB-флеш-накопителе. При этом отсутствовало указание на происхождение этой записи, на ее статус в материалах дела. При ознакомлении Комиссия установила, что имеются четыре цифровых файла очень плохого качества, один из которых содержит запись предположительно судебного заседания, сделанную первоначально на неизвестном оборудовании и носителе. Отсутствовали достоверные данные об операторе записи, о времени, месте, условиях произведенных записей. Факт перезаписи с одного носителя на другой никак не был оформлен. Даты создания цифровых файлов указанных в метаданных файлов находились вне

Утверждение судьи о том, что после ознакомления адвоката и его доверителя с материалами дела в тексте подписок появилась дописка о том, что с правами лицо не было ознакомлено, также никакими доказательствами причастности к этому адвоката Н. не было подтверждено, а адвокат это обстоятельство отрицал.

Таким образом, Комиссия и Совет не нашли в действиях адвоката Н. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и КПЭА, прекратив дело.

ЖАЛОБЫ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЧЕРЕЗ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МИНЮСТА РОССИИ ПО САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ

Представление в отношении адвоката Р. было направлено в АП СПб из ГУ Минюста РФ по СПб с приложением представления из Следственной части по расследованию организованной преступной деятельности СУ МВД по Республике Саха (Якутия).

Адвокат Р. осуществлял защиту обвиняемой О., которая в связи с нарушением подписки о невыезде была объявлена в розыск и впоследствии задержана. Для составления протокола о задержании О. в УВД в Санкт-Петербурге был вызван адвокат Р., но до начала оформления протокола он покинул кабинет следователя, ссылаясь на отсутствие у него соглашения с О. на производство этого следственного действия.

Заявитель усмотрел в действиях адвоката нарушения подп.1 п.1 ст.92 УПК РФ и п.1 ст.8 КПЭА.

Адвокат Р. возразил, что не защищал О. в уголовном деле, а его участие в дополнительном допросе обвиняемой было обусловлено соглашением на оказание юридической помощи в виде «однократного участия в качестве Адвоката в следственном действии...», а именно: при осуществлении следователем дополнительного допроса Доверителя в качестве обвиняемой...». Свои обязанности по данному соглашению адвокат выполнил в полном объеме. Участие в иных следственных действиях по уголовному делу, расследование которого велось в г. Якутске, указанным соглашением не предусмотрено. Поэтому вызывать адвоката на планируемое (без уведомления адвоката) следственное действие, участвовать в котором ни по соглашению, ни по назначению, да еще и без согласия обвиняемой, адвокат не мог, следователь был не вправе.

На заседании Комиссии адвокат Р. признал, что при оформлении ордера допустил некорректную формулировку поручения: «представлять интересы О. в рамках уголовного дела № N», из которой можно было сделать вывод о принятии им поручения на весь период предварительного следствия. А по вызову следователя он прибыл, рассчитывая, что О. вновь заключит соглашение на однократное участие в следственном действии, но она отказалась сделать это. Поэтому адвокат покинул кабинет следователя до начала составления протокола задержания.

Комиссия решила, что адвокат Р. проявил недобросовестность, то есть нарушил п.1 ст.8 КПЭА.

Так, при оформлении ордера адвокатом Р. была допущена небрежность в виде некорректной и несоответствующей предмету соглашения формулировки поручения, из которой следовало, что адвокату поручено представлять интересы доверителя в рамках всего предварительного следствия, а не однократное участие в следственном действии. Адвокат явился по приглашению следователя для участия в ином следственном действии, не предусмотренном соглашением с О., не имея надлежаще оформленных полномочий и без согласования с доверителем.

Своими действиями адвокат ввел в заблуждение следователя относительно возможности проведения

предварительного следствия по уголовному делу №_, возбужденному в отношении доверителя по ст.159 УК РФ, а именно при осуществлении следователем дополнительного допроса Доверителя в качестве обвиняемой, подготовка при этом в случае необходимости ходатайств и жалоб».

Адвокат Р. явился по приглашению следователя для участия в ином следственном действии, не предусмотренном соглашением, не являясь ее защитником, потому был вправе уйти до начала следственного действия, что он и сделал.

Каких-либо нарушений требований закона и адвокатской этики в деяниях, вмененных вину адвокату Р., Совет не усмотрел и прекратил производство.

Руководитель Главного следственного управления по СПб направил в ГУ МЮ РФ по СПб обращение в отношении четырех адвокатов, из Минюста оно поступило в АП СПб.

В обращении указывалось, что адвокаты, осуществляющие защиту обвиняемого Г., в процессе предварительного следствия неоднократно нарушили нормы Закона и Кодекса.

Например, обвиняемый и его адвокаты в ходе ознакомления с постановлением о производстве предварительного следствия отказались подписывать данное постановление, а также высказывали в адрес следователей выражения, умаляющие их честь и достоинство, проявляя неуважение к ним, вели себя некорректно.

Неоднократно уведомленные надлежащим образом о необходимости явки в ГСУ СК РФ по СПб для производства следственных действий с участием обвиняемого адвокаты без заблаговременного уведомления следователя не являлись в назначенное время, чем срывали проведение следственных действий и нарушали п.1 ст.14 КПЭА.

В ходе проведения очной ставки адвокаты грубым образом нарушали порядок ее производства путем оказания давления на другого обвиняемого.

Адвокаты представили совершенно иное видение ситуации. Так, предварительное следствие по уголовному делу в отношении их подзащитного и других, по мнению защитников, носит неоправданно длительный, затяжной характер, по делу допущена грубая, вопиющая волокита.

Зашитники сообщали, что больше года назад следователь ходатайствовал о продлении срока следствия свыше одного года для предъявления окончательного обвинения и выполнения требований ст.ст. 215, 217 УПК РФ. Срок был продлен до 15 месяцев. Потом по тем же основаниям еще неоднократно продлевался и продолжает продлеваться, а обвинение их подзащитному так и не предъявлено, к выполнению требований ст.ст.215, 217 УПК РФ так и не приступили.

Допущенную по делу грубую волокиту следователь пытается объяснить «активным противодействием со стороны защиты», а именно тем, что защитники, якобы, «неоднократно не являлись для проведения следственных действий». Между тем факты волокиты, в частности, неисполнения запросов суда, препятствующее своевременному рассмотрению жалобы обвиняемого, подтверждены частным постановлением суда.

По поводу «некорректного» поведения адвокатов защитники пояснили, что их подзащитный сообщил им о его вызове для предъявления обвинения в день следственного действия. Адвокаты явились, хотя извещение о предстоящем следственном действии адвокатам было направлено только через два дня после назначенной даты. И подобным образом защитники уведомляются о следственных мероприятиях на протяжении всего следствия. Или по несуществующему адресу. Или, если адвокаты, несмотря на отсутствие уведомления явились как это было в указанном случае следователь на месте отсутствовал в

Адвокаты заверили адвокатское сообщество, что несмотря на «подобные провокации должностных лиц», будут продолжать честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы своих доверителей всеми незапрещенными законодательством средствами.

Комиссия заключила, что утверждение об отказе адвокатов и их подзащитного от подписания постановления, а также о некорректных высказываниях и поведении защитников не отражает фактические обстоятельства. Адвокаты не были надлежащим образом извещены о проведении следственного действия. Более того, следователь не намеревался его проводить в указанный в представлении день, поскольку накануне направил адвокатам извещение о проведении следственных действий в иной день.

Однако адвокаты были извещены своим подзащитным и прибыли в следственное управление. Следователь на рабочем месте отсутствовал, а представившаяся членом следственной группы другой следователь лишь предъявила адвокатам Постановление о производстве предварительного следствия следственной группой. Отказ адвокатов от ознакомления с этим постановлением является, по мнению Комиссии, правомерным, поскольку вызван тем, что не было рассмотрено в суде их ходатайство о признании незаконным постановления следователя об отводе одного из адвокатов. Такое постановление суда было вынесено впоследствии вместе с частным постановлением в адрес руководителя ГСУ СК РФ по г. СПб, в котором указывается на бездействие должностных лиц ГСУ, выразившееся в длительном (более 6 месяцев) необоснованном неисполнении требований суда о предоставлении необходимой для принятия жалобы к производству информации (сведений).

Таким образом, Комиссия заключила, что данная коллизия лежит в области, регулируемой УПК РФ, и к вопросам, разрешаемым в рамках дисциплинарного производства в адвокатском сообществе, не относится.

Каких-либо доказательств того, что адвокаты высказывали в адрес следователей выражения, умаляющие их честь и достоинство, проявляя неуважение к ним, вели себя некорректно, Комиссии не было представлено.

Это же относилось и к оценке процедуры проведения очной ставки. Адвокаты указывали на грубые нарушения норм УПК РФ, а доказательств оказания адвокатами давления на обвиняемого не имелось.

Все указанные обстоятельства говорили о том, что представление ГУ МЮ РФ по СПб основано на недостоверных или некорректно представленных обстоятельствах проведения предварительного следствия в отношении, изложенных в обращении руководителя ГСУ СК РФ по СПб. Комиссия расценила данное обращение как попытку разрешения конфликта между процессуальными противниками в уголовном деле, каковыми являются следователи и адвокаты.

Производство в отношении адвокатов прекращено.

СОВЕТ НЕ СОГЛАСИЛСЯ С КОМИССИЕЙ

В августе 2016 между ООО и адвокатом А. было заключено соглашение об оказании юридической помощи, предметом которого стало «представление интересов ООО в УФАС по городу Санкт-Петербургу». Адвокату выдана доверенность на представление интересов доверителя «в органах Федеральной антимонопольной службы с правом подачи и подписания заявлений, в том числе об участии Общества в заседаниях Комиссии УФАС...». Размер вознаграждения адвоката составил 600000 рублей и был перечислен полностью.

Доверитель также ссылался на то, что адвокат А. в декабре 2016 года после отказа от его услуг, подписал от имени якобы генерального директора ООО апелляционную жалобу на определение арбитражного суда.

Оценивая правомерность требований УК к адвокату А. о возврате документов, полученных им от ООО при выполнении поручения по соглашению, доверенности и предоставлении отчета о проделанной работе, Комиссия исходила из того, что в соответствии с п.6 ст.10 КПЭА при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу и доверенность, а также при отмене или по исполнении поручения – предоставить доверителю по его просьбе отчет о проделанной работе. Такое право у доверителя возникает с момента отмены поручения.

Заявитель не смог конкретно назвать ни одного документа, достоверно полученного от ООО адвокатом А. при исполнении поручения в УФАС. Адвокат же категорически утверждал, что никаких подлинных документов не получал, а копии документов, необходимых для выполнения поручения, передавались им в УФАС, и находятся в материалах дела. Таким образом, это требование, вопреки положениям подп.6 и 7 п.2 ст.20 Кодекса, носит общий характер, не основано на конкретных фактах, отсутствует указание на то, когда, где, и какие именно документы передавались адвокату. Заявителем не представлено никаких доказательств в подтверждение обстоятельств, на которых он основывал свои требования.

В представленной Комиссии адвокатом А. копии «Уведомления об отмене (отзыва) доверенности» содержитя требование незамедлительно возвратить оригинал доверенности. Следовательно, адвокат А. узнал о желании ООО получить от него подлинник доверенности в момент отмены этой доверенности. Однако, он этого не исполнил, нарушив требования п.6 ст.10 Кодекса. При этом не было доказательств того, что указанная доверенность использовалась адвокатом А. после отзыва.

Подача адвокатом А. от имени генерального директора апелляционной жалобы в Тринадцатый арбитражный апелляционный суд не была связана с использованием отозванной доверенности, т.к. она носила ограниченный характер: была выдана только для представления интересов ООО в УФАС.

В соответствии с п.5 ст.18 КПЭА меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более одного года (в редакции от 22.04.2015).

Комиссия установила, что с момента отзыва доверенности до момента рассмотрения жалобы прошло более 16 месяцев, что исключает применение мер дисциплинарной ответственности к адвокату А.

Совет же пришел к выводу, что Комиссия установила фактические обстоятельства правильно, но ею сделана ошибка в части исчисления срока применения мер дисциплинарной ответственности.

Несмотря на то, что в конце ноября 2016 *информация об отзыве доверенности адвокату А. передана адвокатом Б.*, доверенность не была возвращена.

Более того, адвокат А. по этой доверенности, которая включала в себя «право представлять Общество во всех судебных, правоохранительных, государственных, административных органах, в том числе у мирового судьи, судах общей юрисдикции, арбитражных судах...», в конце декабря 2016 от имени ООО направил в Тринадцатый арбитражный апелляционный суд апелляционную жалобу на определение о возвращении заявления.

В конце мая 2017 адвокатом А. было получено письмо от генерального директора ООО об отказе от его помощи как адвоката, прекращении в связи с этим соглашения об оказании юридической помощи, отмене всех выданных ему доверенностей от ООО, с просьбой возвратить все документы, ранее полученные от ООО, все ранее выданные доверенности от ООО и предоставить письменный отчет о

Адвокату А. объявлено замечание.

Адвокат Л. осуществлял по назначению защиту П. в Невском районном суде СПб по уголовному делу. В жалобе доверитель указывал на нарушение адвокатом права доверителя на защиту: не обжаловал приговор, не посетил подзащитного в следственном изоляторе для оказания помощи в составлении апелляционной жалобы, не представил подзащитному копии материалов дела.

П. указывал, что заявление, освобождающее адвоката от подачи апелляционной жалобы, он адвокату Л. не передавал. Самостоятельно в апелляционном порядке приговор суда не обжаловал.

Адвокат Л. сообщил, что его доверитель обвинялся в покушении на совершение особо тяжкого преступления, но суд, согласившись с позицией защиты, переквалифицировал его действия на более мягкий состав. Л. также утверждал, что именно подзащитный после оглашения приговора просил адвоката его не обжаловать. Нежелание оспаривать приговор суда объяснил опасением, что в ответ может столкнуться с апелляционным представлением прокурора, просившего суд о назначении наказания в виде длительного лишения свободы. Кроме того, подзащитный утверждал, что нет причин для обжалования, поскольку приговор более мягкий, чем он ожидал. При этом П. отказался письменно оформить отказ от обжалования.

Не обжаловав приговор суда и не зафиксировав отказ доверителя от обжалования приговора в письменном виде, адвокат Л. формально нарушил требования, установленные п.4 ст.13 КПЭА. Однако, в действиях адвоката отсутствует как умысел, так и грубая неосторожность: адвокат излишне доверился П., заявившему о нежелании обжаловать приговор. Поэтому Комиссия посчитала, что Совет не лишен возможности применения положений п.2 ст.18 КПЭА, в соответствии с которыми не может повлечь применение мер дисциплинарной ответственности действие (бездействие) адвоката, формально содержащее признаки нарушения требований п.1 ст.18 КПЭА, однако в силу малозначительности не порочащее честь и достоинство адвоката, не умаляющее авторитет адвокатуры и не причинившее существенного вреда доверителю и адвокатской палате.

В процессе проверки не удалось установить действие (бездействие) адвоката, порочащее его честь и достоинство, содержащее признаки, умаляющие авторитет адвокатуры и причинившее существенный вред доверителю и адвокатской палате.

Совет посчитал, что Комиссия установила фактические обстоятельства правильно, но ею сделана ошибка в правовой оценке деяния адвоката: формальный состав есть, но данное нарушение не является умышленным.

Дисциплинарное производство в отношении адвоката Л. прекращено вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка с указанием адвокату на допущенное нарушение.

КТО НАСТОЯЩИЙ ДОВЕРИТЕЛЬ?

В начале 2016 года адвокат Ч. заключил с Л. соглашение, по которому адвокат «принимает на себя обязанности оказать Заказчику юридическую помощь по представлению его интересов в судах общей юрисдикции и государственных и коммерческих организациях г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области по вопросу защиты ее прав, связанных с приобретением наследства». В соответствии с п.2 данного соглашения Ч. обязался «представлять интересы Заказчика во всех инстанциях, включая судебные».

На соглашении имелась подпись адвоката подтверждающая получение им от доверителя 270000

Адвокат участвовал в восьми судебных заседаниях, подавал необходимые ходатайства, истребовал документы, трижды знакомился с делом.

Весной 2017 А. проходил плановый осмотр у лечащего врача-психиатра, который сообщил Л., что А. не будет признан экспертами «недееспособным». Об этом Л. сообщила адвокату и просила интересы А. в судебных заседаниях больше не представлять, но ознакомиться с экспертным заключением и распечатать его.

Адвокат Ч. в июне 2017 ознакомился с судебной экспертизой, больше участия в деле не принимал, не получал решение и не обжаловал его. Кроме того, договор с Л. не содержит обязанности адвоката по составлению и подаче апелляционной жалобы. В августе-сентябре 2017 года адвокат неоднократно встречался с доверительницей, передал ей все документы по делу, доверенность А. и подписал акт выполненных работ (соглашение о прекращении полномочий).

После поступления заявления Л. в АП СПб адвокат пытался с ней связаться с предложением о помощи в подаче апелляции, поскольку основания для восстановления срока на подачу у А. имеются. Л. на телефонные звонки не отвечала и не перезвонила.

Л. указала, что, фактически, адвокат Ч. ввел ее в заблуждение, поскольку исказил как суть правоотношений при составлении соглашения на оказание юридической помощи, так и предмет соглашения. Она пришла к адвокату вместе со своим родственником А., страдающим психическим заболеванием, но не признанным недееспособным. Соглашение Л. хотела составить от своего имени, но в интересах А., а предметом должно было быть признание договора купли-продажи квартиры недействительным. Подписывала она это соглашение, не понимая его сути, так как юридически неграмотна. Адвокат Ч. потребовал доверенность от А. на ведение дела в суде и после этого исчез, о ходе дела не информировал.

Л. считала, что адвокат вообще не ходил в судебные заседания. Когда в сентябре 2017 она потребовала от адвоката вернуть деньги в связи с невыполнением им обязанностей по соглашению, Ч. предъявил ей соглашение о прекращении полномочий представителя, якобы подписанное А., и от дальнейшей работы отказался. Но Л. утверждает, что А. с адвокатом в 2017 не виделся, а доверенность, выданная адвокату от имени А., была возвращена ей в сентябре 2017.

После этого Л. решила разобраться в том, что произошло, и увидела, что в соглашении А. вообще не фигурирует, а предметом соглашения указано представление ее интересов по вопросу приобретения наследства «во всех инстанциях». Только после ее обращения с жалобой в АП СПб адвокат Ч. стал убеждать ее в том, что готов бесплатно составить апелляционную жалобу и ходатайство о восстановлении срока на обжалование. Заявительница считает, что адвокаты должны нести ответственность за плохую работу.

Комиссия заключила, что адвокат Ч. при составлении соглашения с доверителем не только не указал лицо, в интересах которого оно заключалось (А.), но и исказил предмет соглашения. Тем самым он дезориентировал доверителя относительно его положения в процессе и своих обязанностей. Это привело к утрате доверителем контроля за исполнением поручения и пропуску сроков на обжалование.

Кроме того, адвокат Ч. неквалифицированно и недобросовестно отнесся к обязанности оформить договорные отношения с доверителем в соответствии с законом, поэтому его действия были расценены как нарушение подп.1 п.1 ст.7 Закона.

Вместе с тем, участники дисциплинарного производства ссылались на соглашение как на юридическую основу своих взаимоотношений, поэтому Комиссия пришла к выводу, что адвокат Ч. принял на себя обязательство перед Л. представлять ее интересы «во всех инстанциях, включая судебные», то есть и на кассационное обжалование решения суда. Однако этого обязательства адвокат не исполнил, нарушив п.1 ст.8 Кодекса.

В-третьих, подписи самого адвоката под соглашением о прекращении полномочий представителя существенно отличаются от подписей Ч. как под основным соглашением, так и под письменными объяснениями Комиссии.

В-четвертых, содержание соглашения о прекращении полномочий представителя, заключенного и подписанного якобы самим А., отличается от объяснений самого адвоката Ч.

Указанные обстоятельства, по мнению Комиссии, свидетельствовали о попытке адвоката Ч. ввести в заблуждение не только доверителя, но и Комиссию, то есть, о совершении действия, ведущего к подрыву доверия и нарушении требований п.2 ст.5 КПЭА.

Совет разделил выводы Комиссии и объявил адвокату Ч. предупреждение.

РАЗГЛАШЕНИЕ АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЫ

На адвоката Р. пожаловался его бывший доверитель И., сообщив, что адвокат, не являясь уже его защитником, дал согласие и был допрошен в качестве свидетеля следователем ГСУ СК РФ по Санкт-Петербургу об обстоятельствах, ставших ему известными при оказании ранее юридической помощи И.

Адвокат Р. не отрицал, что дал показания в качестве свидетеля следователю, но предварительно оговорил с последним, что в ходе допроса не должны затрагиваться обстоятельства, ставшие ему известными при оказании юридической помощи И.

По мнению Р., содержание протокола его допроса говорит о том, что с позиции закона заданные вопросы и его ответы касались исключительно наличия либо отсутствия фактов нарушения уголовно-процессуальных норм органом предварительного следствия и защитником. Противоположную подзащитному И. позицию он не занимал, равно как и не давал оценку его показаниям. Правда ходе допроса он только отметил, что новая линия защиты, когда бывшим подзащитным отвергаются ранее данные показания, «является несостоятельной и нелогичной».

Таким образом, адвокат считает, что сведения, полученные им от И. и которые могли быть отнесены законом к адвокатской тайне, при его допросе разглашены не были, а свою явку для допроса в качестве свидетеля Р. не считает нарушением Закона и положений КПЭА.

Комиссией было установлено, что адвокат Р. в течение полугода оказывал юридическую помощь на стадии предварительного расследования И., заключив с ним соглашение и получив 70000 рублей в качестве гонорара.

Действие соглашения с Р. было прекращено по инициативе подзащитного И. в связи с приглашением другого адвоката - П.

После прекращения соглашения адвокат Р. дал согласие и был допрошен в качестве свидетеля следователем. В ходе допроса адвокат заявил о несостоятельности и нелогичности версии бывшего подзащитного, выработанной при работе с адвокатом П.

Из протокола следует, что адвокат Р. дает показания относительно обстоятельств заключения соглашения об оказании юридической помощи И., о поведении и позиции доверителя во время совершения следственных действий. Так адвокат Р. заявил:

– «И. собственноручно составил заявление о том, что он желает, чтобы его защиту осуществлял именно я»;

– при проведении очной ставки «*И. неожиданно для меня заявил о том, что абсолютно все документы, которые он ранее подписывал в ходе следствия, сфальсифицированы следователем и что он данные документы подписывал не глядя, либо даже вообще не подписывал и свои подписи в этих документах он не узнаёт*», «*по данному поводу я могу сказать о том, что это не соответствует действительности, т.к. абсолютно все документы, как я, так и И. внимательно читали и собственноручно подписывали*»;

– «*версия И. является несостоятельной и нелогичной*».

Оценивая данные обстоятельства, Комиссия заключила, что, давая показания без согласия доверителя об обстоятельствах заключения соглашения с И., адвокат Р. разгласил адвокатскую тайну, то есть, нарушил требования п.п.1-5 ст.6 Кодекса.

Из приведенных показаний адвоката Р. следует, что об изменении позиции своего бывшего доверителя он знал задолго до своего допроса в качестве свидетеля. Этот допрос адвоката производился по инициативе органов следствия и без согласия доверителя. При этом, в письме следователя в адвокатское образование адвоката указывается, что причиной допроса Р. явилось изменение позиции подследственным И., его жалобы на нарушения норм УПК РФ на предварительном следствии: «*других допустимых способов установления фактов наличия или отсутствия вышеуказанных нарушений, а также проверки заявления обвиняемого И., у следствия не имелось*».

Фактически адвокат Р.оказал содействие органам следствия, действуя вопреки законным интересам доверителя. Дезавуируя на допросе показания И. относительно обстоятельств проведения следственных действий, адвокат Р. занял по делу позицию, противоположную позиции доверителя и действовал вопреки его воле, то есть нарушил требования подп.2 п.1 ст.9 КПЭА.

Совет объявил адвокату Р. предупреждение.

ЗАЩИТА ОБЕИХ СТОРОН СПОРА

М. обратился к адвокату К. по вопросу осуществления своих родительских прав как родителя, проживающего отдельно, а после получения юридической помощи впоследствии в суде обнаружил, что интересы его бывшей жены в споре с ним представляет та же адвокат.

При производстве по делу было установлено, что адвокат К. по телефону и электронной почте проконсультировала М. о порядке обращения в органы опеки и суд для решения спорных вопросов общения с ребенком отдельно живущего родителя после развода, получила от него копии необходимых документов, подготовила и направила ему для использования текст заявления от его имени в Комитет образования. М. перечислил за оказанную юридическую помощь на банковскую карту адвоката 2000 рублей. Дальнейшее сотрудничество и заключение соглашения об оказании юридической помощи при ведении адвокатом этого спора в суде не состоялось, в связи с отказом М.

Адвокат К. не отрицала, что М. обращался к ней за помощью, и поскольку они находились в разных субъектах РФ, М. в качестве подтверждения намерения сотрудничать перечислил на ее карту 2000 рублей. Адвокат пояснила, что ему необходимо явиться к ней лично для заключения и оформления соглашения и полученных денег. В процессе телефонных бесед и переписки по интернету адвокат предложила М. вариант обращения в органы опеки и попечительства для установления графика общения с ребенком.

М. этот вариант не понравился, и он отказался от сотрудничества. На предложение дать адрес для возврата денег не отреагировал. Деньги были высланы ему почтой по адресу его временной

текста заявления в Комитет по образованию и оплату ее работы, Комиссия посчитала установленным факт возникновения у адвоката К. обязанностей перед М. как перед доверителем.

Впоследствии к адвокату К. обратилась С. с просьбой об оказании ей юридической помощи в споре с бывшим мужем (М.) по вопросам общения с ребенком.

Ошибочно полагая, что бывший муж доверительницы ее доверителем не был и никаких его тайн по телефону она не узнала, адвокат К. заключила соглашение на ведение дела в суде на стороне ответчицы, нарушив тем самым подп.10 п.1 ст.9 КПЭА, в соответствии с которыми адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей. Согласно подп.2 п.4 ст.6 Закона адвокату запрещается оказывать юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица, а п.1 ст.11 КПЭА предусматривает, что адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу.

Адвокату К. объявлено замечание.

ВМЕСТО ПРИМИРЕНИЯ – В СИЗО

Жалобу на адвоката П. подала его доверительница, сославшись на то, что адвокат не обратил внимания суда на заявление о примирении.

Адвокат П. осуществляла защиту И. по назначению суда. Доверительница ссылалась на то, что заявление потерпевшей о примирении с обвиняемой имелось в деле. Прокурор просил вынести приговор с применением условного наказания. Потерпевшая поддержала примирение, однако адвокат П. на протяжении всего заседания не проявил какого-либо интереса к защите прав подсудимой, в прениях не поддержал заявление потерпевшей о примирении сторон, а лишь просил суд назначить минимально возможное наказание (6 месяцев лишения свободы).

До приговора И. находилась под подпиской о невыезде, но после выступления в прениях адвоката П. судья вынесла приговор о реальном лишении свободы на 6 месяцев, и она была взята под стражу в зале суда. Для И. это был удар, так как у нее дома оставались двое малолетних детей, а ей пришлось отбывать наказание в следственном изоляторе до отмены приговора по апелляционной жалобе другого адвоката.

И. обратила внимание и на то, что адвокат П. после прений сторон даже не подошел к ней, удалился из зала до вынесения приговора, не обсудил с ней вопрос о подаче жалобы в связи с нарушением закона. Ей пришлось самой защищать свои права.

Адвокат П. подтвердил, что ходатайство потерпевшей о прекращении уголовного дела имелось, и потерпевшая в суде поддержала данное ходатайство, и адвокат также просил прекратить уголовное дело по указанным в заявлении обстоятельствам. Однако, судья отказала потерпевшей в удовлетворении ее ходатайства, пояснив, что прекращение дела за примирением сторон это право, а не обязанность суда.

Далее дело рассматривалось в особом порядке. В судебных прениях адвокат П. еще раз отметил, что потерпевшая заявляла ходатайство о прекращении уголовного дела за примирением сторон, однако, суд не принял мнение потерпевшей во внимание. Адвокат просил учесть все смягчающие вину подзащитной обстоятельства и назначить ей минимальное наказание, не связанное с лишением свободы. О том же просила и доверительница.

Адвокат предлагал И. написать апелляционную жалобу, но И. сообщила, что больше не нуждается в его помощи а жалобу напишет другой адвокат с которым у нее заключено соглашение

реабилитирующим основанием и т.п. Кроме того, суд в приговоре не указал оснований, предусмотренных ст.76 УК РФ, согласно которой от уголовной ответственности может быть освобождено лицо, не указал иные основания, предусмотренные законом, предоставляющим суду право не прекращать уголовное дело за примирением сторон.

Адвокат П., являясь профессиональным советником по правовым вопросам, не учел указанные обстоятельства и нормативные акты, то есть проявил некомпетентность, не достаточную квалифицированность либо недобросовестность, нарушив тем самым требования п.1 ст.8 КПЭА.

После того как суд, не согласившись с позицией адвоката, назначил И. наказание в виде реального лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, адвокат не обжаловал приговор, ссылаясь на отказ осужденной от его услуг, но не получив от нее письменного отказа, то есть нарушил требования п.4 ст.13 КПЭА.

Совет принял решение об объявлении адвокату П. предупреждения и исключении его из графика работы по назначению в порядке ст.50-51 УПК РФ на один год.

НЕТ НАРУШЕНИЙ

На адвоката Т. подали жалобу два адвоката. Они ссылались на то, что адвокат Т. принимала участие в процессе, будучи адвокатом по назначению, в той ситуации, когда они – адвокаты П. и Н. – являлись адвокатами по соглашению. Адвокаты полагали, что адвокат Т. нарушила нормы адвокатской этики как по отношению к доверителю, так и по отношению к своим коллегам.

Адвокат Т. не общалась до судебного заседания с родственниками доверительницы, не выяснила позицию доверителя, не приняла мер к разрешению спорной ситуации, согласилась с иском, посчитала бесспорным заключение врачей, не поставила вопрос о допросе родственников в качестве свидетелей, не поставила вопрос о назначении судебно-психиатрической экспертизы.

Комиссия установила, что адвокат Т. была назначена представителем административного ответчика Н и принимала участие в закрытом выездном судебном заседании по рассмотрению административного искового заявления Главного врача СПб ГКУЗ № 3 «Городская психиатрическая больница им. И.И. Скворцова-Степанова» о недобровольной госпитализации.

Адвокаты П. и Н. говорили, что до начала судебного заседания известили суд о том, что они представляют интересы Н на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного с дочерью ответчицы.

Адвокат Т. сообщила, что П. и Н., с которыми заключила соглашение дочь Н, прибыли в больницу для участия в судебном заседании.

Перед началом закрытого судебного заседания адвокату Т. суд предоставил время для общения с доверителем, в беседе доверительница сообщила, что поступила в больницу добровольно, однако, после посещения ее дочерью и под ее давлением написала заявление о выписке. Доверительница продолжила, что у нее с дочерью сложные отношения, дочь постоянно оказывает на нее давление, требует послушания, мнение Н ее дочерью не учитывается. Дочь потребовала выписаться в срочном порядке, так как дома необходимо оказывать помощь по воспитанию и обслуживанию внука. Н также сообщила, что испытывает болезненное состояние, выписываться не собирается, так как врачи оказывают ей помощь и лечат ее.

Тогда адвокат Т. проинформировала доверительницу о том, что ее дочь заключила соглашение с другими двумя адвокатами которые готовы представлять ее интересы в процессе. На это Н ответила

Более того, в соответствии с подп.3 п.4 ст.6 Закона и подп.2 п.1 ст.9 КПЭА адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного.

Комиссия отметила, что речь идет обуважении адвокатом именно воли, а не интересов доверителя, даже если речь идет о волеизъявлении гражданина, имеющего психические нарушения. Закон не предоставляет адвокату права занимать по делу самостоятельную позицию и, если гражданин возражает против госпитализации или согласен с ней, то это является той позицией по делу, которую обязан уважать адвокат, независимо от того, понимает ли сам гражданин значение отказа или согласия на оказание психиатрической помощи и отвечает ли это интересам доверителя, как их видит адвокат.

Адвокат Т. действовала строго в рамках требований Закона и Кодекса, а дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. Было прекращено.

ГОНОРАР УСПЕХА

Совет решил, что само по себе включение адвокатами в договор с доверителем условий, устанавливающих иной по сравнению со ст. 782 ГК РФ порядок одностороннего расторжения договора – еще не может свидетельствовать о каком-либо злоупотреблении или нарушении этических норм со стороны адвоката. Напротив, адвокату целесообразно включать в договор с доверителем специальное условие о последствиях одностороннего расторжения (отказа от исполнения) договора доверителем. В противном случае будет применено общее правило ст.782 ГК РФ, которое может не позволить адвокату обеспечить свои имущественные интересы в надлежащем объеме.

Так, в 2018 году в АП СПб поступили две жалобы: от конкурсного управляющего ООО «А» и от генерального директора ООО «В».

«Первая жалоба»

Адвокаты заключили с ООО «А» в лице генерального директора договор об оказании юридической помощи по самому широкому кругу вопросов деятельности предприятия, требующих специальных знаний в области юриспруденции.

Договор фактически являлся рамочным, поэтому в тот же день между сторонами был заключен протокол-поручение, конкретизировавший предмет оказания поверенными юридической помощи и порядок выплаты вознаграждения, а именно:

«подготовка необходимых процессуальных и иных документов и представление интересов доверителя в арбитражном суде апелляционной инстанции, при обжаловании судебных актов в кассационном и (или) надзорном порядке, кассационных и надзорных инстанций, а в случае направления дела на новое рассмотрение – также и в арбитражном суде первой инстанции по делу по заявлению доверителя о признании недействительным решения о привлечении должника к ответственности за совершение налогового правонарушения [...] и штрафов по эпизодам, изложенных в пунктах [...] указанного решения.»

За оказанную юридическую помощь доверитель уплачивает поверенным вознаграждение в размере 10% от сумм налогов, пеней и штрафов, доначисленных налоговым органом на основании пунктов [...] решения о привлечении...»

«Вознаграждение выплачивается в следующем порядке: доверитель выплачивает поверенным аванс в сумме 500.000 руб...., который возврату не подлежит...»

Тогда конкурсный управляющий ООО «А» обратился в суд с заявлением о признании недействительным п.5 протокола-поручения как противоречащего ст. 782 ГК РФ, ограничивающего право доверителя на односторонний отказ от договора и устанавливающего неразумный размер штраф за такой отказ.

На момент подачи жалобы в АП СПб по иску было вынесено два судебных акта: определение Арбитражного суда, которым требования конкурсного управляющего были удовлетворены, и постановление Арбитражного апелляционного суда, который оставил без изменения определение первой инстанции.

Позиция конкурсного управляющего заключалась в следующем: не ставя под сомнение право адвоката в соответствии с п.3 ст.16 КПЭА включать в соглашение об оказании юридической помощи условия о «гонораре успеха», заявитель полагает, что требования адвокатов о выплате «гонорара успеха» в полном объеме за предполагаемый успех в деле, в котором они не принимали участия в связи с отказом доверителя от их услуг, не соответствуют требованиям о добросовестности, честности и разумности, установленным п.1 ст.8 КПЭА, и нарушают запрет подп.1 п.1 ст.9 КПЭА на оказание юридической помощи, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами.

«Вторая жалоба»

ООО «В» заключило с адвокатами договор об оказании юридической помощи. Протокол-поручение обязывал поверенных оказать доверителю следующую юридическую помощь:

подготовка необходимых процессуальных и иных документов и представление интересов доверителя в арбитражном суде апелляционной, и при обжаловании судебных актов по делу в кассационном и (или) надзорном порядке, кассационных и надзорных инстанций, а в случае направления дела на новое рассмотрение – также и в арбитражном суде первой инстанции по исковому заявлению доверителя к банку о взыскании более 200 миллионов рублей.

Договором устанавливалось, что за оказанную юридическую помощь доверитель уплачивает поверенным вознаграждение в размере 50% от сумм, взысканных в пользу доверителя.

На момент заключения договора уже было вынесено решение суда первой инстанции о частичном удовлетворении требований доверителя: было взыскано около 200 тысяч рублей процентов за пользование чужими денежными средствами. В остальной части иска отказано.

После заключения договора с адвокатами и их участия в рассмотрении дела судом апелляционной инстанции было вынесено постановление, которым взыскано в пользу доверителя более 70 миллионов рублей убытков.

ООО «В» оплатило адвокатам часть причитавшегося вознаграждения в размере 9 000 000 рублей.

Однако, впоследствии постановление Арбитражного апелляционного суда было отменено, а решение суда первой инстанции оставлено в силе.

В результате был произведен поворот исполнения постановления апелляционного суда на сумму более 20 миллионов рублей, перечисленных в пользу ООО «В», которое, в свою очередь, направило адвокатам претензию с требованием о возврате денежных средств, полученных как «гонорар успеха», в связи с несостоявшимся успехом. Адвокаты не ответили и деньги не вернули.

Податель жалобы полагал, что адвокаты обязаны были представлять интересы доверителя и в кассационной инстанции, которая отменила благоприятное для доверителя постановление апелляционной инстанции что автоматически исключало претензии на «гонорар успеха»

истцом в судебном споре, вопреки положению п.3 ст.16 КПЭА о зависимости гонорара успеха от благоприятного для доверителя результата рассмотрения имущественного спора.

Кроме того, в процессе рассмотрения арбитражным судом спора между подателем жалобы и адвокатами о взыскании неосновательного обогащения, ответчиком (адвокатским образованием) было представлено соглашение о расторжении протокола-поручения, согласно которому ООО «В» признает, что адвокаты надлежащим образом исполнили свои обязанности, а ООО «В» обязуется выплатить вознаграждение и дальнейшее представление интересов ООО согласовывается и оплачивается сторонами отдельно. Истцом (конкурсным управляющим) было заявлено о фальсификации данного документа.

Адвокаты с доводами жалобы не согласились.

Протокол-поручение определял срок оплаты вознаграждения адвокатов в «10 рабочих дней со дня фактического получения денежных средств по делу доверителем». Доверитель был обязан подписать полученные акты выполненных работ и оплатить счет в 10-дневный срок, если признает обязательства поверенных выполненными надлежащим образом.

Стороны подписали соглашение о расторжении протокола-поручения, согласно которому «доверитель признает, что поверенные надлежащим образом исполнили возложенные на них протоколом-поручением обязанности по оказанию правовых услуг. Претензий по оказанным услугам доверитель не имеет».

Доверитель выплатил вознаграждение, когда по делу уже была подана кассационная жалоба, при этом ни договор, ни протокол-поручение не предусматривают обязанности возврата выплаченного вознаграждения в связи с отменой судебного акта, на основании которого доверителем были получены денежные средства.

По мнению адвокатов, утверждение подателя жалобы о том, что выплаченное вознаграждение является неосновательным обогащением и подлежит возврату, не основано на нормах закона и условиях обязательства, поскольку протокол-поручение (со всеми дополнениями) является двусторонним соглашением и воспроизводит свободное волеизъявление обеих сторон обязательства.

Из объяснений адвокатов, следовало, что условие о расчетах, содержащееся в п. 5 протокола-поручения, представляет собой соглашение об иных последствиях одностороннего немотивированного отказа от исполнения договора возмездного оказания услуг по сравнению с теми, что установлены в ст.782 ГК РФ. Законность такой конструкции была подтверждена Высшим Арбитражным Судом РФ в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.04.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»:

«Положения ст.782 ГК РФ, дающие каждой из сторон договора возмездного оказания услуг право на немотивированный односторонний отказ от исполнения договора ... не исключают возможность согласования сторонами договора иного режима определения последствий отказа от договора... либо порядка осуществления права на отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг (в частности, односторонний отказ стороны от договора, исполнение которого связано с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности, может быть обусловлен необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне)».

Кроме того, такая возможность установлена п.3 ст.310 ГК РФ.

По мнению адвокатов, целью включения в текст соглашения условия о выплате полного размера вознаграждения адвокатов в случае одностороннего отказа заказчика является защита интересов адвокатов от действий недобросовестных клиентов, использующих свое право на односторонний отказ в целях уклонения от исполнения обязательств по оплате указанных услуг.

Адвокаты ссылались на то, что неоднократно обращались к арбитражному управляющему с

Протокол-поручение, как и все дополнения к нему, являются двусторонними, то есть воспроизводят волеизъявление обеих сторон обязательства в рамках принципа свободы договора. Спор же доверителя с адвокатским бюро о возврате (полном или частичном) выплаченного вознаграждения относится к компетенции суда и не является предметом рассмотрения Комиссии.

Вместе с тем, Комиссия отметила, что содержащееся в п.5 протокола-поручения условие, в соответствии с которым «*В случае расторжения настоящего протокола-поручения доверителем в одностороннем порядке, не связанное с невыполнением поверенным настоящего протокола-поручения, вознаграждение поверенных рассчитывается и выплачивается доверителем в полном объеме в предусмотренном протоколом порядке*», является недействительным как противоречащее закону, и признана таковым судом.

На этом основании Комиссией сделаны следующие выводы:

Включение адвокатами в договор об оказании юридической помощи условий, заведомо противоречащих Закону, направлено на введение доверителя в заблуждение и не может рассматриваться иначе как злоупотребление доверием, то есть, как нарушение требований п.п.2 и 3 ст.5 КПЭА, в соответствии с которыми адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия. Злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката.

На заседании Совета адвокаты сообщили, что не вводили доверителя в заблуждение, и генеральный директор, с которым были заключены договоры, претензий к адвокатам не имел, а также что данный спор рассматривается в рамках гражданско-правового регулирования, и в Верховный Суд РФ направлена кассационная жалоба адвокатов на решения судов о признании недействительным спорного пункта 5 заключенного с доверителем соглашения, поэтому рассмотрение дисциплинарного дела было отложено.

Верховный Суд РФ отказал адвокатам в передаче поданной ими кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ.

Совет продолжил рассмотрение дисциплинарного дела, в результате посчитав выводы Комиссии не соответствующими положениям Закона и противоречащими фактическим обстоятельствам дела.

Во-первых, признак «заведомости» в противоречии закону спорного условия опровергается тем, что в соответствии с действующей с 2013 года редакцией ст.168 ГК сделка, нарушающая требования закона, по общему правилу является *оспоримой*, а не ничтожной, как это было предусмотрено в ранее действовавшей редакции ГК. Тем самым, факт противоречия договорного условия закону является спорным, подлежит доказыванию и не является безусловным основанием для признания его недействительным.

Во-вторых, адвокатами был заключен договор с доверителем, являвшимся профессиональным предпринимателем – коммерческим юридическим лицом в лице его директора, которого спорное условие не могло и не должно было вводить в какое-либо заблуждение.

Необходимо также учитывать, что договор исполнялся сторонами – как адвокатами, так и доверителем, по нему произведена частичная оплата. При этом за весь период действия договора непосредственно у доверителя адвокатов (юридического лица, его руководителя и акционеров) не возникло каких-либо претензий к работе адвокатов и к содержанию условий договора. Претензии к адвокатам, как и обращение в арбитражный суд о признании договора с адвокатами частично недействительным были инициированы Конкурсным управляющим предприятия-доверителя в процессе рассмотрения дела о банкротстве.

В-третьих, следует учитывать особенности законодательного регулирования договора возмездного 782 ГК РФ

какой-либо иной порядок и последствия одностороннего расторжения договора. На практике это означало, что суды признавали недействительными любые договорные условия, в которых стороны как-либо изменяли механизм досрочного расторжения договора по инициативе доверителя. Однако 14.03.2014 было издано Постановление Пленума ВАС РФ № 16 «О свободе договора и ее пределах», в котором ВАС РФ пришел к выводу о диспозитивном характере нормы ст. 782 ГК РФ.

После принятия указанного Постановления у адвокатов появилась легальная возможность самостоятельно регламентировать порядок и последствия одностороннего расторжения договора по инициативе доверителя, в том числе устанавливать обязанность оплаты доверителем работы адвокатов в том или ином объеме.

В рассматриваемом случае адвокаты не сформулировали достаточно четко договорное условие о последствиях одностороннего расторжения договора доверителем. Это позволило суду впоследствии признать его недействительным.

Несмотря на это, само по себе включение адвокатами в договор с доверителем условий, устанавливающих иной по сравнению со ст. 782 ГК РФ порядок одностороннего расторжения договора – еще не может свидетельствовать о каком-либо злоупотреблении или нарушении этических норм со стороны адвоката. Напротив, адвокату целесообразно включать в договор с доверителем специальное условие о последствиях одностороннего расторжения (отказа от исполнения) договора доверителем. В противном случае будет применено общее правило ст.782 ГК РФ, которое может не позволить адвокату обеспечить свои имущественные интересы в надлежащем объеме.

В рассматриваемом деле между адвокатами и доверителем был заключен договор на обжалование решения арбитражного суда первой инстанции и представление интересов в суде апелляционной и кассационной инстанций. В результате обжалования апелляционный арбитражный суд отменил решение суда первой инстанции и принял Постановление, которым требования доверителя были удовлетворены.

Вследствие этого и в соответствии с заключенным договором у доверителя возникла обязанность выплатить адвокатам гонорар успеха. Доверитель частично оплатил адвокатам причитающийся гонорар успеха.

Впоследствии кассационная инстанция отменила апелляционное Постановление, в связи с чем конкурсный управляющий доверителя направил адвокатам требование о возврате полученного гонорара. Имущественный спор между сторонами не является предметом рассмотрения Комиссии и Совета.

Заключенный между сторонами договор регулируется положениями Главы 39 ГК РФ о договоре возмездного оказания услуг. Пункт 1 статьи 782 ГК РФ предоставляет право заказчику (доверителю) в любое время немотивированно в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг (досрочно расторгнуть в одностороннем порядке) при условии «оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов».

Спорное условие, включение которого в текст договора вменяется в вину адвокатам, является модификацией процитированного положения п.1 ст.782 ГК РФ о порядке досрочного расторжения договора по инициативе заказчика. В частности, стороны установили, что право доверителя на досрочное одностороннее расторжение договора «обременяется» обязанностью не только «оплатить исполнителю фактически понесенных им расходы» (как предусмотрено ст.782 ГК РФ), но также выплатить исполнителю (адвокатам) гонорар в полном объеме.

Учитывая приведенные выводы и обстоятельства конкретного дела, Совет пришел к выводу, что включение в договор с доверителем условия о порядке и последствиях досрочного расторжения договора не может расцениваться как злоупотребление адвокатами доверием и как нарушение норм КПЭА. Каких-либо нарушений требований закона и адвокатской этики в действиях, вмененных в вину адвокатам, Совет не усмотрел и прекратил дисциплинарное производство.